

как говорил этот философ, чем старик, учащийся читать, а мы добавим, что нет ничего более уродливого, чем старый диалектик. И напрасно эти люди ссылаются на Аристотеля, потому что они удовлетворяются разговорами, тогда как Аристотель, поговорив, писал. Но самый большой вред от Диалектиков в том, что их слишком много. Их была целая армия в Великобритании, и вот они высадились в Сицилии. Ни Харибда, ни Сцилла не смогли их остановить. Что это — бич островов? В Сицилии были циклопы и тираны, и вот она наводнена диалек-

тиками, не просто невежественными, но безумными, которые, как черные муравьи, обрушиваются неведомо с какого гнилого ствола и опустошают поля истинного знания. Перед лицом этой армии чужаков восстает итальянское сердце Петрарки, ибо эти саксонцы подвергают опасности самоё латинскую культуру, но мы увидим, что тревожилось и его сердце христианина.

Петрарка отлично видел, какую опасность представляет для христианской веры эта чисто диалектическая культура, и неоднократно заявлял об этом, особенно начиная с того момента, когда оставил изучение трудов отцов Церкви. В одном из писем, написанном в старости и адресованном Боккаччо, он жаловался на нескольких клириков, которые рассматривали Амвросия, Августина и Иеронима как людей, более щедрых на слова, чем на знания («*multiloquos magis quam multiscios appellant***»). Августин, по их словам, многое видел, но мало знал. Иные заходили еще дальше, но ничто не может здесь заменить свидетельства самого Петрарки. Старый поэт в одной дискуссии имел неосторожность процитировать Библию, на что его собеседник возразил: «Оставьте при себе своих учителей пустословия — вы и ваша Церковь! Я хорошо знаю, чему следовать, и знаю, кому верить (*scio cui crediti*). — Ваш апостол, ответил Петрарка, умел только сеять слова, и это был безумец». И поскольку Петрарка так иронично поприветствовал оппонента за хорошее знание оскорблений, когда-то адресованных Павлу его противниками, «этот чванливый человек принялся хохотать: Вы, сказал он, будьте добрым христианином, а я ни во что это не верю. Ваш Павел, ваш Августин и все прочие, которыми вы похваляетесь, были всего лишь великими болтунами. Я хотел бы, чтобы вы были способны прочитать Аверроэса, чтобы увидеть, насколько он превосходит ваших балагуров». В ответ на это возмущенный Петрарка бросился к дверям — не без сожаления, что ни инквизиция, ни тюрьма не могут помешать таким людям оскорблять Христа.

Глава X Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков 548

В трактате «О невежестве своем собственном и многих других» («*De sui ipsius et multorum aliorum ignorantia*») Петрарка подробно рассказывает об аналогичном диспуте между поэтом и тремя людьми, которые опираются только на Аристотеля и презирают Христа как непросвещенного, каковым Он был. Для Петрарки, хотя он и восхищался Цицероном за его красноречие, в области религии единственным учителем был Христос. Но разве Цицерон, великий оратор в своих ранних произведениях, не показал себя великим философом в более поздних, причем философом, настолько близким к христианству, что наставил Августина на путь, который привел в Церковь? В конце концов это факт, и сам Августин его подтверждает, что Церковь отчасти обязана «Гортензию» за появление великого святого, каковым был Августин. И почему этому нужно удивляться? Цицерон хорошо знал, что истинная философия — это не вербальная диалектика, а любовь к истине, и как только он понял, что истинная мудрость — это религия, всякий его призыв к поиску мудрости стал призывом к поиску религии. «Философия не доставляет мудрости, — пишет Петрарка в своем трактате «О средствах против превратностей судьбы» («*De remediis utriusque fortunae*»)